ЕВРОПА 26.12.2017 | Винфрид Файт

Маленький принц

Почему Эммануэль Макрон не стал большим новатором

Читайте эту статью также на немецком языке

Президенту Франции Эммануэлю Макрону предстоит вручение Международной премии им. Карла Великого города Аахен за «впечатляющее видение новой Европы». Тому, у кого бывают видения, впору обратиться к врачу, не раз говорил когда-то бывший федеральный канцлер Германии Гельмут Коль.

Видение, или назовем это поскромнее, представления Макрона о Европе не слишком далеко ушли от видения его предшественника Франсуа Олланда, оставившего после себя недобрую память. И вообще многое из этого видения напоминает довольно старое требование французских левых, а именно введение европейского «экономического правительства», которое регулярно отвергалось всеми правительствами Германии независимо от их политической окраски. Ведь по сути требования Макрона по созданию бюджета еврозоны, поста европейского министра финансов и парламента еврозоны при всей своей европейской риторике все же прежде всего связаны с Францией. Если довести его «видение» до логического конца, то оно ведет как раз к основанию того союза по трансферту капиталов, которого Берлин до сих пор боялся как черт ладана.

С формированием новой большой коалиции в ФРГ ситуация может измениться, ведь только что избранный председатель СДПГ Мартин Шульц продемонстрировал открытость по отношению к реформаторским предложениям Макрона. Но найдется ли в ЕС для этого большинство, сомнительно, так как Макрон в конечном счете представляет интересы государств-должников европейского Юга, возлагающих свои надежды на послабление декретированного Меркель драконовского режима экономии. Ведь именно Меркель в ответ на требование Франсуа Олланда о введении так называемых евробондов холодно возразила: «Этого не будет, пока я жива».

Присуждение премии им. Карла Великого тем самым напоминает

поспешное награждение Барака Обамы Нобелевской премией мира по принципу: вознаграждения достойны даже добрые намерения. При этом воплощение в жизнь своего видения путем реализации практических шагов буквально перед дверью собственного дома – не так уж и сложно: в регионе Верхнего Рейна многие немецкие предприниматели жалуются на рост бюрократических препятствий, когда у них появляется желание оказывать соответствующие услуги в соседней стране. Депутат Европарламента Андреас Шваб назвал это «программой по созданию рабочих мест для французских адвокатов», так как «немецкие мелкие и средние предприниматели вынуждены платить деньги тем, кто их представляет, но в ком они совершенно не нуждаются».

Президентом довольны лишь 36 процентов граждан его страны

В вопросе внутренних реформ Макрон продвинулся несколько дальше, хотя и там речь в основном идет о реализации предыдущих концепций. Ему удалось избежать ошибок медлительного Макрона, который при малейшем сопротивлении сдавал свои позиции и предпочитал подождать лучших времен, которые так и не наступали.

Удивительно гладко прошла реформа на рынке труда, предположительно по той причине, что французам изрядно надоела барабанная дробь, которую обрушивали на их головы в течение десятилетий все президенты, начиная с Миттерана, под девизом: если Франция наконец не реформируется, она погибнет. Конечно же, подсознательно свою роль сыграло недовольство доминирующим положением немцев с момента всплеска финансового кризиса, которые показали, что такое успешное реформирование. В конце концов, конечно, имело место и желание позволить свежеиспеченному молодому президенту, который во время избирательной кампании сделал ставку на четкое отмежевание от своих исчерпавших себя и нерешительных предшественников, достичь успеха.

Однако уже после первых 100 дней правления результаты опросов снизились до критической отметки. Только 36 процентов граждан одобрили деятельность президента, такое за столь короткий срок не случалось даже с Олландом. Впрочем, настолько резкий обвал в оценках по ту сторону Рейна не является неожиданным; французы быстро возводят своих любимцев на пьедестал, чтобы на следующий же день низвергнуть их с него. Это связано с французской политической культурой, в которой, по словам политолога

Вольфганга Егера, «почитание государства и революция – братья-близнецы», каким бы противоречивым это ни казалось.

Уже во время выступления вечером после своего избрания он дал всем почувствовать, что не прочь исполнить роль «республиканского монарха»

Макрон является почти идеальным олицетворением этого противоречия. С одной стороны, он начал свою кампанию в качестве «свежего» представителя широкого гражданского движения, взломавшего старую схему «правые-левые» и поднявшего на щит в качестве кандидатов на парламентских выборах прежде всего представителей гражданского общества. Те, кому поднадоели партийные сговоры, с одобрением отнеслись к такой кампании, которая сильно напоминала призыв Вилли Брандта «Больше демократии!». Впрочем, движение «Вперед, Республика!» обязано своим абсолютным большинством в Национальном собрании французскому избирательному праву. В первом туре движение Макрона получило лишь 28,2 процента голосов, во втором – 43 процента при избирательной активности в 42,6 процента. То же касается и самого Макрона, который в первом раунде президентских выборов набрал всего 24 процента и оказался на первом месте благодаря главным образом слабости других кандидатов и защитному рефлексу в отношении Марин Ле Пен. Во втором раунде он одержал убедительную победу, но при активности избирателей ниже 50 процентов. Демократическое представительство выглядит несколько иначе.

С другой стороны, Макрон явно упивается прерогативами президентской должности. Уже само его появление вечером в день своего избрания, когда он в гордом одиночестве и размеренным шагом прошествовал двором Лувра, дало всем понять, что он не прочь взять на себя роль «республиканского монарха».

В этот же ряд вписывается и тот факт, что на официальном портрете, украшающем десятки тысяч служебных кабинетов и мэрий, на рабочем столе нового президента можно видеть «Военные мемуары» Шарля Де Голля. Основатель Пятой республики никогда

не скрывал своего отвращения к партиям и постоянно обращался напрямую к народу. Как и Де Голль, Макрон руководствуется принципом преданности, назначая главой своего малоопытного «Движения» профессионального политика Кристофа Кастанера, которого тут же единогласно избирают лидером и который вопреки многочисленным заверениям о невозможности совмещения руководящих должностей все же остается в должности министра. Все это сильно напоминает первого социалистического президента Франсуа Миттерана, который, будучи в оппозиции, назвал конституцию Пятой республики «перманентным государственным переворотом», но сделал это после того, как полностью исчерпал все отведенные ему права (и даже превысил их).

С внешнеполитической точки зрения в Макроне также вполне можно увидеть продолжателя традиции Миттерана, который довольно быстро принес свои «левые воззрения» в жертву реальным политическим интересам, когда ему это показалось необходимым. Это касается прежде всего политики по отношению к Африке, которая играет особую роль во Франции и традиционно относится к сфере, зарезервированной за президентом. Первый зарубежный визит Макрона не случайно был нанесен французским подразделениям в Мали, которые с 2013 года ведут в этой стране борьбу с террористическими исламистскими группировками, захватившими к тому моменту почти всю страну. Не всем известно, что он хотел свернуть военное присутствие в Африке (кроме Мали, еще и в Центральной Африке и Чаде). Но в противовес этому создает новые военные альянсы в форме G5-Сахель («Большой пятерки Сахеля»), военного союза Мавритании, Сенегала, Мали, Нигера и Буркина-Фасо, и как Олланд пытается вовлечь в этот процесс другие европейские страны, прежде всего Германию.

В программной речи перед студентами в Уагадугу, столице Буркина-Фасо 28 ноября Макрон хотя и провозгласил «конец французской политики в Африке», однако оставил открытым вопрос о том, что при этом конкретно имел в виду. Здесь он уступил Франсуа Олланду, который в похожей программной речи в 2012 году в Дакаре значительно конкретнее озвучил постулаты об окончании «Франсафрики» – диффузного и непрозрачного переплетения интересов в сфере политики, бизнеса и безопасности, до сих пор связывающего Францию с ее бывшими колониями в Африке. То, что после этого почти ничего не изменилось (сравните военное вмешательство в Мали всего год спустя), не внушает надежды, что при Макроне все будет по-другому. И хотя в своей речи он предстал в роли представителя молодого поколения, понимающего его проблемы, студентам «свыше полутора часов пришлось

выслушивать диагноз, поставленный профессором Макроном Африке и ее проблемам, причем в такой форме, как будто у него, как у всеведущего мудреца, есть все ответы на эти проблемы», как выразился бывший дипломат Лоран Биго в газете Le Monde.

Макрон остался верен традициям реальной политики своих предшественников еще в одном моменте: во время своего визита в эмират Катар в начале декабря были подписаны договоры на сумму 12 млрд евро, в том числе на продажу 12 боевых самолетов и 490 военных транспортных средств. От упреков в следовании практике, которую он ранее сам критиковал, президент отмахнулся, заметив, что речь идет о «договорах с государственными предприятиями, соответствующими потребностям». Эти слова мало напоминают новатора.

Винфрид Файт
Фрайбург

Д-р Винфрид Файт (Winfried Veit) – политолог и преподаватель международных отношений Фрайбургского университета. До 2011 года работал в Фонде им. Фридриха Эберта, в том числе руководителем отдела Восточной Европы и Центральной Азии, а также руководителем представительств Фонда в Южной Африке, Израиле, Париже и Женеве.